

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Д. А. НЕВЕРОВ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Автор предлагает свою оригинальную концепцию решения проблемы экономической оценки качества жизни. Особое внимание в новой методике оценки уделяется категориям «асимметрия эффективности», «разнообразие жизни», «общественный экономический излишек», «необходимый продукт общества». Обосновывается асимметричная природа эффективности. Рассматриваются слагаемые формулы общественного благосостояния, главным из которых является общественный экономический излишек, скорректированный на коэффициент асимметрии свободного и рабочего времени и индекс разнообразия необходимого и прибавочного продукта общества.

Ключевые слова: разнообразие жизни; асимметрия жизни; общественный излишек.

УДК 330.5

Социальный прогресс проявляется в развитии производительных сил и улучшении качества жизни народов. Экономическая мощь государства и эффективность, разумеется, существенные составляющие качества жизни. Но последняя не сводится к ним. За качеством жизни стоит удовлетворенность не только материальных, но и духовных потребностей. Возможно глубокое противоречие между сугубо экономической и социально-экономической эффективностью, о чем экономисты прекрасно осведомлены. Новый вариант методологического решения данной проблемы предлагается в статье.

Несомненна и очевидна связь между качеством жизни и общественным выбором (свободой). Разнообразие палитры социально-экономических потребностей складывалось в каждом обществе исторически, вследствие того или иного уровня развития его производительной силы. Чтобы позволить себе жизнь определенного качества, необходима прежде всего сила, способная дотянуться до нее. Чем больше сила, тем выше независимость от окружающего мира, тем выше степень общественной свободы. По всей видимости, именно об этом знаменитая гегелевская формула, связывающая воедино цель и причину существования человечества: «свобода есть познанная (осознанная) необходимость».

Дмитрий Александрович НЕВЕРОВ (Neverov122008@tut.by), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Эффективность сводится к экономии времени и труда. Но какого времени и труда? Свободного или рабочего времени? Текущего или «застывшего» в овеществленном труде?

Если присмотреться к процессу вытеснения менее качественных вещей более качественными, то можно заметить любопытную закономерность, прямо противоположные утверждения на этот счет выглядят одинаково правдоподобно. Например, качественная вещь вытесняет некачественную вследствие своей *дешевизны* и *дороговизны*. Ясно, почему она дороже. Но почему дешевле? Потому что «скупой платит дважды». Потому что старый аналог, взятый количественно по цене более дорогого «конкурента», все равно не достигнет его результата. Пулемет «эффективнее» винтовок. Винтовки, *взятые по цене пулемета*, не обеспечат его скорострельности и плотности огня. Труд рабочих, вытесненный «прогрессивным» станком, скорректированный на цену данного станка, тем не менее не даст эффекта последнего. Таким образом, удельный вес более дорогого и качественного фактора производства в цене продукта будет гораздо ниже, чем удельный вес вытесненных им факторов, взятых по цене нового качества (при прочих равных).

В этом, по всей видимости, проявляется суть «ценностного оформления» прогресса и стремления человечества к некоему идеальному качеству жизни, в котором, если верить философам, свобода совпадает с необходимостью («скачок из царства необходимости в царство свободы» [1]). Возникшее качество «парадоксально» на первый взгляд. Оно и упрощает, и усложняет путь к достижению цели, делает средства одновременно дешевыми и дорогими. Что же представляет собой экономическая эффективность и качество жизни в историческом ракурсе?

Любая отрасль человеческого труда, вступившая на путь эффективности, ищет самый короткий путь. Рациональность в природе человека, да и всего живого. Самый короткий путь фиксируется самым коротким временным отрезком. Производительность в том и состоит, чтобы экономить время производства. Все дело в том, что *любая экономия любых издержек*, в конечном счете, есть экономия живого труда и *текущего* времени. Чтобы эффективность состоялась, она должна получить санкцию *живого*, а не *овеществленного* труда.

Даже когда прирост эффективности осуществляется за счет замены одного вида овеществленного труда (или физического капитала, или постоянно-переменных издержек) на другой вид овеществленного труда, данная замена приводит, во-первых, к росту валового дохода, относительно которого удельный вес оплаты живого труда будет естественным образом снижаться.

Во-вторых, если происходит замена дорогим овеществленным трудом какого-то дешевого элемента овеществленного труда (новое качество, как правило, дороже), тогда будет происходить снижение удельного веса живого труда не только относительно валового дохода, но и относительно себестоимости единицы продукта. В любом случае производительность живого труда будет возрастать, причем в последнем случае более явно из-за интенсивных факторов роста. Тем более производительность живого труда будет расти, когда происходит не опосредованное, а непосредственное вытеснение рабочего механизмом. В последнем случае следует ожидать «взрывных» темпов прироста эффективности (ибо одновременно уменьшается знаменатель и увеличивается числитель формулы производительности, тогда как при замене только одних видов овеществленного труда на другие возможно постоянное значение знаменателя).

В-третьих, в масштабах всего общества замена одного вида овеществленного труда на другой (более дешевый и эффективный) возможна лишь потому,

что конечной причиной более выгодного вида овеществленного труда явилась экономия живого труда. Иной причины просто не может быть в сфере *экономических трудовых* отношений. Где нет труда, там нет ценности и цены, нет экономики. Как доказано Маршаллом и принято всеми, — цена есть следствие равенства предельной полезности блага предельным издержкам труда [2]. Как невозможно разрезать бумагу одним лезвием ножниц без наличия другого лезвия (аналогия Дж. М. Милля, которая почему-то называется «ножницами Маршалла»), также невозможно говорить о более эффективном виде овеществленного труда без экономии труда живого. Любой фактор производства стал эффективным или перестал быть таковым лишь потому, что непосредственно или опосредованно увеличил или уничтожил экономию живого труда. В вышеупомянутой замене одного вида «застывшего» труда на другой вид речь идет об *опосредованной* цепочке экономии живого труда, и только.

Наконец, в-четвертых, эффективность экономит живой труд и время не только того, кто производит, но и того, кто покупает, так как снижение цены вследствие возросшей производительности труда означает, что покупателю теперь надо меньше работать, чтобы получить ту же полезность.

Представим самый крайний вариант: абсолютно автоматизированное производство, в котором более производительный робот меняет менее производительного. В *самом* процессе производства, допустим, нет ни одного атома живого человеческого труда. Однако в силу онтологической неопределенности мира и наличия всевозможных рисков контроль над абсолютно автоматизированным процессом все же необходим.

Каких бы высот не достиг уровень автоматизации, искусство, ремесло, мастерство (квалификация) все равно останутся на шаг выше, а жизнь богаче выверенно до миллиметра действия механизма. Любая профессия в долгосрочной перспективе «питается» творческим началом. Автопилот (робот) способен, конечно, заменить человека там, где действие превращается в рутину. Но жизнь есть преодоление рутины. Поэтому имеется предел роста эффективности в каждой отрасли производства, есть предел вытеснения овеществленным трудом живого в силу принципиального превосходства последнего. «Пружина» живого труда сожмется под «натиском» овеществленного до некоего последнего минимального значения, но не более. Это значение, повторимся, в конечном итоге предопределено уровнем сопротивления свободного творческого ядра человеческой деятельности и бесконечным разнообразием природы. Все и вся механизировать не получится. В противном случае жизнь перестала бы называться жизнью.

Итак, рядом с овеществленным механизированным трудом будет *всегда* присутствовать текущий живой труд человека, контролирующего процесс. Наличие и оплата данного текущего труда является единственным и достаточным условием существования экономической эффективности. Не может быть эффективности там, где нет живого труда человека. Ибо тогда исчезает «предельная полезность», «экономическая ценность», «цена». Энергия становится бесплатным даром, как свет и тепло солнца. Где живой труд, в виде целесообразной деятельности, не соприкасается с элементами природы или искусственной среды, там попросту «вакуум» экономических отношений, тем более эффективности. Попытка Маркса обосновать единственную причину прибавочной ценности с позиций трудовой теории ценности достигает успеха относительно *всей* ценности, а не отдельной ее части.

Каждая отрасль имеет свою экономическую историю и это история эффективности живого труда. Сельское хозяйство существует от века. Всего несколько веков назад национальные продукты почти сплошь состояли из результатов работы крестьян. Потом возникла промышленность, разрослась

сфера услуг. И вот «долгожители» среди отраслей, удовлетворяющие самые базовые потребности, сегодня не набирают и 7—9 % ВВП развитых стран. Крестьян с примитивными орудиями труда заменили машины, последние образцы которых уже способны работать без непосредственного участия человека. Время, которое раньше полностью поглощалось работой, похожей на борьбу за существование, фантастическим образом структурировалось на множество индивидуальных отсеков общественного разделения труда. Произошло колоссальное освобождение общественного труда и времени от привязки к физиологическим потребностям. Ситуацию удобно проиллюстрировать классическим примером рыбной ловли руками, удочкой, сетью и морским трейлером — эффективность растет в прогрессии степенной функции. С той же скоростью, но в обратном направлении уменьшается участие живого труда и текущего времени в производстве единицы продукта. На что раньше уходил день, сегодня тратятся доли, если не сотые доли секунды.

Влияние эффективности на качество жизни «многослойное», похожее на «эффект матрешки», эффект «вещи в себе». Оно проявляется, во-первых, в том, что удельный вес живого труда в себестоимости более качественной вещи снижается более высокими темпами, чем удельный вес самой себестоимости в новой цене более качественного блага. Когда «прогрессивный» станок вытесняет рабочих, живого труда объективно становится меньше. Станок, хотя и дороже вытесненного живого труда, будет дешевле его *относительно* валового дохода. Удельный вес новой себестоимости в новом валовом доходе будет ниже удельного веса старой себестоимости в старом валовом доходе. При этом уменьшится абсолютное и относительное значение живого труда в «валовой цене» более качественного продукта. А так как конкуренцию, перелив капитала и усреднение нормы прибыли никто не отменял, то в долгосрочном плане историческое преимущество одной отрасли над другой должно проявляться в *минимальных* абсолютных и относительных величинах живого труда в цене и себестоимости продукта отрасли. Или, что то же, в максимальной производительности живого труда.

Было бы чрезвычайно интересно протестировать предприятия и целые отрасли по эффективности живого труда. По эффективности функционирования *всего* авансированного капитала они не сильно будут отличаться друг от друга в условиях совершенной конкуренции. Но если сравнивать экономический эффект не с себестоимостью, а с одним ее элементом — живым трудом, *скрепляющим и придающим смысл всем остальным видам издержек?* При прочих равных, чем ниже удельный вес живого труда в стоимости единицы продукта, тем выше производительность труда (это две стороны одной медали). Но этих равных условий нет и в помине в реальной жизни. Рядом с автоматизированным предприятием может работать относительно трудоемкое, которое, благодаря высокой вновь созданной стоимости за счет прибыли, будет превосходить первое по производительности труда. Кажется, опять парадокс: с одной стороны, определенная структура цены обеспечивает максимум производительности, с другой — нет.

Минимальный удельный вес живого труда в структуре цены единицы продукта на *данном* предприятии означает максимально достижимый уровень его производительности в *данный* момент времени. В рамках «одной колеи» максимальная автоматизация подразумевает, что из живого труда «выжат» его максимум, несмотря на то, что в соседней «колее» некое полукустарное производство создает в единицу времени гораздо большую стоимость без всякой помощи машин. Но общая закономерность такова: и на «полукустарном» предприятии структура себестоимости будет стремиться к минимальному

участию живого труда. Это — принципиальный момент, объясняющий экономическую историю.

Отнюдь не по производительности труда один экономический агент «*сущностно*» отличается от другого. Представим спортивную ситуацию, когда по одному критерию — физической силе (эффективности в нашем случае) пытаются сравнить между собой атлетов (предприятия) из различных видов спорта (отраслей). Будет ли подобная оценка объективной и справедливой? Лишь отчасти. Главное в оценке спортсмена — не его физическая сила, а сила воли. Не внешнее проявление силы, а внутреннее ее бытие. Стремление к максимальному результату объединяет всех спортсменов и только здесь возможны объективные оценки. Если была бы найдена шкала, отмеряющая пройденный и оставшийся путь до предельного мастерства в каждом виде спорта, тогда сравнение тяжелоатлета с легкоатлетом вполне уместно и интересно.

Такая шкала имеется у макроэкономики. Это некий предел асимметричности двух видов труда и времени для каждой отрасли. Продвижение по экономической «лестнице совершенства» осуществляется посредством «эффекта матрешки». *Суть данного эффекта в уменьшении удельного веса себестоимости в стоимости единицы продукта за счет уменьшения удельного веса живого труда в себестоимости.* Если же происходит изменение потребительских качеств продукта или производительных качеств средств производства, то речь уже идет о другом способе производства, у которого наряду с изменившейся стоимостной структурой цены имеются совсем иные перспективы по автоматизации производства и, следовательно, по асимметрии живого и овеществленного времени и труда. Это и есть революция, переход количественных изменений в качественные. Наша задача увидеть закономерность именно в количественных изменениях, так как новое качество будет стремиться к своему отрицанию опять-таки по законам этих количественных изменений.

Логично предположить, что чем старше отрасль, тем ближе она к своей, пускай и не совсем осознанной, цели, — максимальной отдаче с единицы живого труда. (Почему не совсем осознанной? Потому что собственником и менеджментом *ясно* видится только «старая добрая» цель максимизации прибыли от использования *всех* факторов производства, а не какого-то *одного*.) Дело затрудняется разнообразием, непредсказуемостью, рискованностью, неопределенностью жизни. Существуют разные возможности по механизации и автоматизации производственных процессов, а значит, и разные возможности по вытеснению овеществленным трудом живого, что влияет на эффективность последнего. Поэтому разный возраст отраслей вовсе не означает, что самые «почтенные» из них будут иметь наивысшее значение эффективности живого труда (и соответственно, минимальных временных затрат живого труда в единице продукта).

Однако это будет означать, что традиционные отрасли в силу своего богатого исторического опыта ближе других «подобрались» к некоему пределу удешевления *своего* продукта. Потому что имеется лишь одна конечная причина удешевления любой предельной полезности (не в ущерб качеству, разумеется) — экономия сил живого человека, живого труда.

Хочет того общество или нет, сознательно или не очень, но оно постепенно в своем историческом развитии продвигается к некоему технократическому коммунизму, где рутинную и скучную работу будут выполнять механизмы и автоматы. Стоимость этой работы будет примерно равна себестоимости используемой энергии (за которой опять-таки «маячит» ценность живого труда) плюс оплата труда профессионалов, контролирующих процесс. Учитывая смелые заявления авторитетных ученых о реальности новых технологий по

радикальному удешевлению стоимости энергии (запасы водородного сырья бесконечны), очертания коммунизма относительно удовлетворения хотя бы первичных потребностей человека вполне прорисовываются.

Прежде чем сформулировать новую экономическую закономерность, резюмируем сказанное выше. Более качественная вещь априори лучше удовлетворяет потребность. Поэтому, с одной стороны, она дороже предшествующей. С другой стороны, она дешевле бывшего аналога, потому что тот, взятый по цене нового качества, все равно не достигнет должного результата (или результативности). Три «эффекта эффективности» проявляются одновременно. Первый: растет абсолютная величина продукта (потребности удовлетворяются лучше). Второй: снижается себестоимость продукта (растет прибыль). Третий, самый важный и не всегда очевидный: снижается удельный вес, а часто и абсолютное значение живого труда внутри данной себестоимости. Имеются еще дополнительные важные аспекты эффективности и качества жизни, о которых речь пойдет чуть ниже.

Все три эффекта не могут не приближать любую «предельную полезность» в далекой перспективе к просто «полезности», к нулевой отметке экономической ценности. Экономическая история общества повинует, как и любая эволюция живого, диалектическим законам отрицания. Очевидно, социум уже успешно пережил фазу перехода от «полезности» к «предельной полезности» и теперь медленно движется к «творческому» отрицанию последней. Экономист-теоретик, будучи осведомлен о тайных пружинах общественного прогресса, имеет в своих руках ключ, способный открыть дверь новой методологии оценки качества жизни народов.

Отдельный человек интересуется удельным весом себестоимости в цене продукта, потому что это обратная сторона прибыли. Но у человечества задача более благородная. Объектом пристального внимания должен стать удельный вес живого труда в себестоимости необходимого продукта общества, т. е. производительность только одного фактора — текущего живого труда, очищенная от влияния «труда прошлого», «застывшего». То, что служит формой существования овеществленного труда, получило в свое время санкцию быть благодаря «желанию» неэффективного живого труда стать более эффективным.

Заметим, что марксистская классификация капитала на постоянный и переменный весьма удобна для целей подобного анализа. Новый, более эффективный способ производства в подавляющем числе случаев есть следствие расширения прав постоянного капитала в процессе создания добавленной стоимости. Подобное расширение прав «дозволяется сверху» главным элементом производительных сил — переменным капиталом (живым трудом рабочего). Именно это подразумевалось Марксом под ростом органического строения капитала.

Живой труд не может вытесняться ничем иным, как трудом овеществленным или безвозмездной помощью природы в виде дифференциальной ренты. Оставим природу и абсолютные формы эксплуатации пока в стороне. Тогда единственной причиной «подлинной» эффективности (интенсивного экономического роста) будет вытеснение живого труда (переменного капитала) овеществленным трудом (постоянным капиталом) ради прибыли. Живой труд добровольно самоограничивается ради прибавочной ценности, за которой угадываются очертания более свободной и достойной деятельности. Живой труд «благородно» говорит овеществленному: «Я готов вам уступить свое место в структуре цены, если это прибавит хотя бы атом прибыли». Свято место пусто не бывает. Освободившееся пространство должно быть заполнено прибылью и овеществленным трудом (другого не дано), причем, и это принципиально, *в освободившемся пространстве*, занимаемом ранее живым трудом, удельный

вес прибыли должен быть больше относительно «контрагента» (овеществленного труда).

Например, цена 100 ед., себестоимость 60 ед., оплата труда 20 ед. (овеществленный труд и прибыль соответственно по 40 ед., минимально допустимый или возможный шаг изменений в структуре цены — 1 ед.). Происходит вытеснение живого труда овеществленным. Само собой разумеется, что подобное вытеснение имеет смысл, если позволяет увеличить прибыль. Не сама по себе замена одного фактора на другой целесообразна, а лишь такая, которая увеличивает рентабельность производства. Если нам стало известно, что оплата живого труда снизилась на 1 ед., то это автоматически подразумевает, что и себестоимость, по крайней мере, снизилась на ту же 1 ед. Но это не подразумевает, что исчезнувшая единица живого труда заменяется на любую другую единицу овеществленного труда, ибо такой эквивалентный обмен будет бессмысленным с точки зрения эффективности. Другими словами, если живой труд снижается на одну единицу и при этом растет прибыль на одну единицу, при прочих неизменных факторах, то перед нами не пример вытеснения, а случай простой экономии живого труда. Только если произойдет уменьшение живого труда, *по крайней мере, на 2 единицы* появляется возможность для рассмотрения вытеснения одного фактора другим ради прибыли.

Итак, если живой труд снижается на 2 единицы и известно, что данное изменение вызвано «натиском» овеществленного труда, тогда структура цены predetermined единственно возможным вариантом (напомним, минимальный масштаб возможного изменения в нашем анализе — 1 ед.): живой труд — 18 ед., овеществленный труд — 41 ед., прибыль — 41 ед., вся себестоимость — 59 ед. Удельный вес живого труда в себестоимости был ранее 33 % (20/60), теперь снизился до 30 % (18/59).

Чтобы прибыль увеличилась до 2 ед. (3, 4 и т. д.), разница между величиной вытесненного живого труда и приростом овеществленного также должна быть равна 2 ед. (3, 4 и т. д.). Данная разница и показывает то снижение себестоимости, которое заполняется прибылью. Допустим, живой труд снижается на 3 ед. (с 20 до 17), а овеществленный увеличивается на 1 ед. Разница в 2 ед. ($-3 + 1$) и показывает прирост прибыли. Теперь себестоимость равна 58 ед. (17 + 41), а удельный вес живого труда в ней снизился до 29 % (17/58). Или другой вариант того же прироста прибыли: живой труд снижается на 4 ед. (до 16 ед.) за счет прироста овеществленного труда на 2 ед. (до 42 ед.): $-4 + 2 = 2$. Себестоимость остается прежней, но уменьшается относительное значение живого труда (16/58) и, следовательно, увеличивается его производительность.

Нетрудно представить аналогичные примеры для всех других возможных значений прибыли. Общее правило таково: *прирост прибыли равен разнице между величиной вытесненного живого труда и величиной прироста овеществленного*. Другими словами, *единица стоимости овеществленного труда должна вытеснять больше единицы стоимости труда живого*. Любое другое взаимоотношение между овеществленным и живым трудом в плане экономического развития и прогресса исключено, ибо неэффективно.

Вышеупомянутую закономерность можно выразить по-другому. Процесс повышения качества жизни имеет характерную структурную стоимостную особенность. Он может происходить только при условии, если удельный вес живого труда в себестоимости продукта снижается быстрее, чем удельный вес самой себестоимости в цене данного продукта. *Скорость снижения живого труда должна обязательно опережать скорость прироста овеществленного труда*, чтобы состоялся прирост эффективности и качества. Если подобного

опережения нет, то нет и «освободившегося» места в структуре цены для прибыли.

Природа эффективности не асимметрична. Поэтому так важно учитывать не асимметрию времени в любых экономических оценках. Если разбить любой временной промежуток на два равных отрезка и заполнить один из них какой-нибудь деятельностью, а другой отдыхом, то симметрия на этом и закончится. Далее прирост каждого отрезка будет осуществляться только за счет поглощения другого. Насколько возрастет один, ровно настолько уменьшится другой. Если в минуте (часе, дне, годе) половина, т. е. 30 секунд приходится на работу, а остальные 30 секунд на отдых, то уже первое смещение, первое неравенство означает ущерб какой-то стороны. Тот, кто при прочих равных условиях будет работать 29 секунд, будет и отдыхать больше — 31 секунду. Он будет иметь двойное преимущество и в издержках и в отдыхе перед тем, кто работает и отдыхает «поровну». Причем подобное преимущество будет только нарастать с увеличением разницы когда-то равных половинок. Вот почему превосходство в процентах рентабельности одного предприятия над другим нуждается в корректировке. Природа маргинальных законов производительности асимметрична [3], и каждая ступенька (процент) рентабельности отстоит от другой ступеньки (процента) *не на равном расстоянии. Эффективность нарастает или убывает не линейно.* Преимущество работающего 28 секунд и отдыхающего 32 секунды относительно работающего и отдыхающего по 30 секунд возросло более высоким темпом, чем первоначальное преимущество работающего 29 секунд и отдыхающего 31 секунду (отношения $28/32$ и $29/31$ неравноценны, так как нет общего знаменателя). Можно утверждать и не ошибиться, что с ростом эффективности возникают дополнительные рентные преимущества, ничем, по сути, не отличающиеся от дифференциальной ренты Рикардо [4]. Общество интуитивно чувствует это и потому оправдывает прогрессивную шкалу налогообложения доходов.

Уменьшение времени производства того, что покрывается понятием «необходимость», означает увеличение времени для целей, возвышающихся над необходимостью. По всей видимости, это имел в виду К. Маркс, когда говорил о рабочем времени, черпающем свою ценность из времени свободного [5]. Так или иначе, но минимум текущего времени для одного вида деятельности автоматически обозначает максимум времени для всего остального. Поскольку постоянный прирост эффективности есть следствие добровольного самоограничения живого труда в пользу труда овеществленного, то пределом этого процесса будет некая максимально возможная асимметрия времени или асимметрия постоянного и переменного капиталов в марксистской трактовке. Нации в своем историческом развитии отличаются друг от друга расстоянием, которое осталось пройти до предела качества жизни или предела асимметричности времени. За данной асимметричностью стоит минимальное время производства «необходимости», соотнесенное с максимальным временем свободы творчества. Чем ярче выражена подобная асимметрия прошлого (овеществленного труда) и настоящего (живого труда), тем ближе общество к реализации своей миссии, тем выше преимущество не только в экономической, но и социально-экономической эффективности.

В связи с этим экономиста должна волновать не абсолютная величина экономического общественного излишка (то, что осталось после вычета необходимого продукта общества), а степень асимметричности этого излишка. Но и этого будет недостаточно для полноценной экономической оценки качества жизни. Большое значение имеет состав, структура, разнообразие этого излишка. Помимо чисто количественного предела минимума одного (необходимости) и максимума другого (общественного выбора) крайне желателен

учет качественного содержания и того и другого. Таким образом, перед нами вырисовывается очередная задача количественной оценки специфики разнообразия структур двух продуктов общества.

Закон максимизации полезности предполагает, что у разнообразного набора товаров и услуг значения последних предельных полезностей относительно потраченного рубля будут выше, чем у однообразного набора. Следовательно, при равном абсолютном значении стоимостей прибавочного (или необходимого) продукта общества большую полезность будет иметь более разнообразный. Вопрос, разумеется, значительно упрощается, если имеется общепринятая формулировка необходимого продукта общества. Прекрасным кандидатом на эту роль является концепция минимальной зарплаты, граничащей с физиологическим выживанием. Корни концепции ведут к физиократам. Затем, минуя А. Смита, она получила поддержку в трудах Рикардо, Мальтуса, Милля и Маркса. В несколько модифицированном виде концепция дожила до наших дней. Но даже без строгого определения необходимого продукта задача имеет высокие шансы на решение посредством применения математического аппарата, связанного с логарифмированием.

Итак, экономический общественный излишек, без которого понятие «качество жизни» немислимо, должен помимо корректировки на свою асимметричность пройти еще «тест» на разнообразие, в чем ему могут помочь индексы Шеннона и Пиелу, справляющиеся с куда более сложными задачами по оценке биоразнообразия различных биоценозов.

Целью социального прогресса, согласно классикам немецкой философии, марксизма и этической экономики, является расширение социальной свободы и выбора, что можно интерпретировать в терминах качества жизни. С точки зрения производственных общественных отношений данная цель выражается формулой эффективности, числитель которой — экономический излишек общества, а знаменатель — его необходимый продукт. Поскольку эффективность выражается в экономии времени, то предельное превышение числителя над знаменателем одновременно показывает максимально возможную асимметрию необходимого и свободного времени, или, что то же, предел роста качества жизни. Асимметрия времени и эффективности проявляется нелинейно, в прогрессивном нарастании (убывании) значений рентабельности относительно друг друга. Поэтому превышение общественного излишка над общественной необходимостью должно быть скорректировано на степень данного превышения. Кроме того, качество жизни немислимо без ее разнообразия. Следовательно, необходимый и прибавочный продукты должны дополнительно быть скорректированы на степень разнообразия своих структур. Для этого предлагается использовать специальные индексы (например, Шеннона и Пиелу).

Окончательная формула качества производства и потребления нации содержит три слагаемых: общественный излишек; общественный излишек, скорректированный на коэффициент асимметрии времени (овеществленного и живого труда); необходимый продукт, умноженный на индекс разнообразия своей структуры. Если в научном сообществе будет достигнуто единодушие по поводу структуры и состава необходимого для любого общества продукта, тогда формула качества жизни может ограничиться только двумя первыми слагаемыми.

Литература

1. *Энгельс, Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. — М. : Политиздат, 1988. — 482 с.

Engels, F. Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyiy gospodinom Evgeniem Dyuringom [Anti-During] / F. Engels. — М. : Politizdat, 1988. — 482 p.

2. *Маршалл, А.* Принципы экономической науки / А. Маршалл. — М. : Прогресс, 1993. — 594 с.

Marshall, A. Printsipyi ekonomicheskoy nauki [Principles of Economics] / A. Marshall. — М. : Progress, 1993. — 594 p.

3. *Неверов, Д. А.* Законы экономической эффективности и асимметрия жизни / Д. А. Неверов // Труды БГТУ. — 2017. — № 7. Экономика и управление. — С. 55–59.

Neverov, D. A. Zakonyi ekonomicheskoy effektivnosti i asimmetriya zhizni [Law efficiency and asymmetries life] / D. A. Neverov // Trudyi BGTU. — 2017. — N 7. Ekonomika i upravlenie. — P. 55–59.

4. *Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. — М. : Эксмо, 2008.

Rikardo, D. Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [Principles political economy and tax imposition] / D. Rikardo. — М. : Eksmo, 2008.

5. *Маркс, К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. — 2-е изд. — М. : Полит. лит. — Т. 46, 1961. — 520 с.

Marks, K. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov [Economical manuscript 1857–1859 years] // K. Marks, F. Engels // Soch. — 2-e izd. — М. : Polit. lit. — Т. 46, 1961. — 520 p.

DZMITRY NIAVERAU

***PRODUCTION EFFICIENCY
AND QUALITY OF LIFE***

Author affiliation. *Dzmitry NIAVERAU* (Neverov122008@tut.by), *Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. The author offers his original approach to solving the problem of economic evaluation of the quality of life. Particular attention in the new procedure of evaluation is paid to the categories of “asymmetry of efficiency”, “diversity of life”, “public economic surplus”, “necessary public product”. Asymmetrical nature of economic efficiency is substantiated. Constituents of the formula of public wellbeing are considered, the major of these being public economic surplus adjusted by the rate of asymmetry of free and working time and the index of diversity of the necessary time and surplus product of the society.

Keywords: diversity of life; asymmetry of life; public surplus.

UDC 330.5

*Статья поступила
в редакцию 22.02. 2018 г.*